

Игорь ШУМЕЙКО

ИБСЕН, ФЕМИНИЗМ И КУКЛЫ С НИЗКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

В 1879 году вышла в мир пьеса Генрика Ибсена «Кукольный дом» («Современники восприняли драму как манифест феминизма» — Wikipedia).

Рискуя обидеть просвещенного читателя, все ж напомним содержание.

Нора, жена Торвальда, тайно заняла денег, чтоб отвезти его, больного туберкулезом, в Италию, исцелила. Сказала, что деньги одолжил ее отец, а муж по-прежнему зовет Нору «моя мотовка, куколка». Кrogстад, у которого Нора заняла деньги, лишен Торвальдом места в банке и, угрожая разоблачением, требует от Норы повлиять на мужа. Нора просит за Кrogстада — безуспешно. Тот ее разоблачает. Торвальд разгневан, называет жену преступницей, которой он не доверит воспитание детей. Позже Кrogстад возвращает расписку Норы, Торвальд счастлив: «Нора, ты (опять) моя куколка», но... Нора уходит, оставляя его и трех детей: «Я была твоей куколкой-женой, у папы была куколкой-дочкой. Но я человек! Не буду больше слушать других. Я сама...»

Манифестуальность, феминистичность пьесы Ибсена подтверждают и сегодняшние диссертации, рефераты (теснятся в Инете), и долгий ряд продолжений, написанных «в свете актуальных задач феминизма».

У англичанина Уолтера Безанта Торвальд спился, дети выросли. Дочь влюбилась в сына Кrogстада, не желающего их брака. Ее брат подделывает вексель. Кrogстад шантажирует (опять!), требуя, чтоб девушка отказалась от брака, спасая брата. Она кончает жизнь самоубийством.

Американская версия Эдны Ченей с самого старта зияет оппортунистическим хеппи-эндом: став сестрой милосердия, Нора спасает Торвальда во время эпидемии холеры, супруги воссоединяются.

Датчанин Эрнст Бруун Ольсен, пьеса «Куда ушла Нора» (1967 г.) — уже революционная ситуация (верхи/низы, не могут/не хотят). Нора среди воров и проституток. Торвальд пытается ее вернуть, но данные представители люмпен-пролетариата оказываются достойней лицемера-банкира мужа...

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Автор двенадцати книг, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

Ну а работа 1977 года знаменитой Эльфриды Елинек — чисто «Как нам реорганизовать кукольный дом?». Мою аллюзию подкрепляет и то, что лауреат Нобелевской премии 2004 года по литературе Елинек более 20 лет (до 1991-го) была членом Коммунистической партии Австрии — правда! Дух захватывает представить, как в составе делегации братской компартии она могла побывать в Москве на двадцать каком-нибудь съезде КПСС. Слушая отчетный доклад товарища Брежнева, задумывать свою знаменитую «Пианистку»... Это, впрочем, фантазии в отличие от вполне реальной и успешной драмы Елинек «Что случилось после того, как Нора бросила своего мужа, или Опора общества». Действие вписано в обстановку Германии периода нарастания фашизма, атмосфера как в «Кабаре» Боба Фосса, то есть волнительная и увлекательная.

Итого: ибсеновская Нора, решительно уйдя из кукольного дома, стала символом, лицом мирового феминизма. Ну как Тина Канделаки — рекламное лицо Oriflame. И какая-то дьявольская ирония возвращает Нору на круг: не хотела, чтоб тобой играли отец и муж, — теперь тобою играют глобальные политические и социальные игроки.

Продолжением этой насильной игры мне увиделся бизнес-проект Дмитрия Александрова: летом 2019-го он открыл в Петербурге «досуговый центр Dolls Hotel с первым легальным борделем с секс-куклами». Совпадения названий пьесы и «заведения» никто не заметил. А ведь попадись сия въедливая статья в руки наследников Ибсена — может возникнуть даже вопрос о роялти: эдакий подарок к 140-летию Норы. Да, женщинам невежливо напоминать о возрасте, но ведь Нора не стареет как гордый символ феминизма. Как «работницы» в кукольном доме Александрова.

Он их называет «артистки». Журналисты ломались в его Dolls Hotel, в некоторых (из десятка с лишним) статьях намекали на успешный тест-драйв. Отрывки из нескольких интервью:

В чем отличие вашего сервиса от настоящего борделя?

— Это легально и безопасно. У секс-работников огромный процент венерических заболеваний. Опрошенные нами люди считают: пользование нашим сервисом — не измена.

Есть мнение, что заведения с секс-куклами повысят уровень насилия над женщинами.

— Статистика Европы, где много таких центров, показывает: секс с куклами, наоборот, снижает уровень насилия. Если у человека есть зависимость, пусть он сделает это на кукле. После каждого сеанса кукла час обрабатывается специальными химическими средствами, запатентованными Lumi Dolls. Наши специалисты прошли курс обучения по обработке кукол в Испании.

Почему вы называете их актрисами?

— Они играют разные роли. Официанток, стюардесс, девочек гоу-гоу. Через пару лет рынок секс-роботов вырастет до \$50 млрд (Дмитрий показывает ролик Lumi Dolls: андроид на видео выглядит, ведет себя почти как человек). Dolls Hotel собирается приобрести одну такую. Примерная стоимость: \$20 000. В отеле 30 кукол, пять доступны в номерах, остальные работают «на выезде». Их доставляют на дом или на мероприятия. Пока есть шесть образов на выбор: от Исильель с эльфийскими ушами до Лолиты...

Впрочем, первые вести о куклотерапии доходили к нам еще в СССР, еще в рубриках «Их нравы» или «Безумный мир»: в Японии-де эксплуатация настолько морально истощает рабочих, что придумали средство разгрузки, в специальной комнате — куклы с лицом начальника, которых можно бить. Заходит работник, лупит «шефа» пару минут, сбросил пар — и снова к конвейеру или в контору.

Наверно, и те манекены-начальники тоже были секс-куклами в каком-то переносном смысле... а для некоторых особо разозленных или изощренных японских работников, возможно, и в прямом (видеокамер в комнатах вроде не было)...

Много пишут о позитиве: куклы помогают людям, стесняющимся своего тела, с различными затруднениями или фантазиями (интересно бы поразмышлять: где одно переходит в другое), джаст релакс... Феминистки говорят о снятии куклами части давления на женщин, нагрузки на проституток.

Профессор Марина Адшаде (Ванкуверская школа экономики), книга «Секс-робот: социальные и этические последствия»: «Машина может уменьшить объем требований, выставляемых партнерам. Непросто найти того, кто одновременно будет хорошей матерью и сможет удовлетворять все сексуальные потребности. Робот может взять на себя эту функцию, подменяя в определенных случаях партнера».

Феминистки в отношении к проституции не едины. Леда Гарина, куратор проекта «Ребра Евы»: «Либеральное крыло считает: легализация — это хорошо. Но, как это свойственно большинству либеральных активистов, они не очень хорошо разбираются в экономике и последствиях применения различных законов. Аболиционистки считают проституцию современной формой рабства».

Я расспросил об этом известнейшую нашу феминистку Марию Арбатову, ее ответ вышел еще более радикальным:

— В проституции, сексуальных услугах за вознаграждение задействовано одинаковое количество женщин и мужчин, но патриархальное общество намеренно делает вид, что секс продают только женщины. Совершеннолетние люди обоих полов идут в проституцию добровольно, решая определенные психологические проблемы, что давным-давно описано психологической наукой. Вопрос высвобождения женщин и мужчин из добровольно выбранной профессии не имеет смысла...

Тут мне показалось, у Марии звучала определенная гордость: «не связывайте феминизм и проституцию, это удел обоих полов!» Спорить об *одинаковом количестве задействованных*, раскатывать статистические рулоны мне показалось невежливо, глупо, да и интересовало меня больше вторжение технических новинок в «древнейшую профессию» и в 140-летние бастионы феминизма:

Мария! Какие новые формы/методы унижения дискриминации женщин вы видите сегодня в мире, в России? Открытый недавно в Питере бордель с секс-куклами — это облегчение/высвобождение хотя бы части женщин? Или некое «виртуальное унижение», современное оскорбление образа?

Мария Арбатова:

— Новых форм и методов дискриминации женщин не существует, все они стары как мир, потихоньку уходят в прошлое. Наверняка существуют люди, предпочитающие живым сексуальным партнерам кукол, но секс-индустрия давно решила этот вопрос, продавая в интим-магазинах надувных мужчин и женщин, так что никакой революции публичные дома с куклами не совершили.

Возможно, я тут не лучший собеседник, ибо по «делу Вайнштейна» Мария мне ответила определенно:

— Попытка подчеркивать минусы компании «MeToo» означает только желание ее обесценить. Компания чрезвычайно важна для понимания того, что такое границы и частное пространство человека.

А я-то, получается, «подчеркивал»! В нескольких статьях юмористически обыгрывал «вспоминание приставаний» через 30 и более лет. Да и за статью «Сам себе сутенер» на главном сайте «За феминизм» меня, в общем... пожурили. Но своим эссе о питейском «Кукольном доме-2» (так, выстраивая генеалогию от Ибсена до Александрова, невольно заденешь и другие интеллектуальные «проекты») я хотел привлечь внимание к более долгой истории. Ведь и Нора из «Кукольного дома-1» — знамя, «исходник» феминизма — имела свою предшественницу, уже «совсем живую». Прототипом стала Лаура Петерсон, практически «крестная дочь» или ученица Ибсена: приняла его совет заняться литературой, под влиянием его книг став писательницей. Они подружились, и когда в 1873 году Лаура вышла замуж за адьюнкта Виктора Килера, с ней и произошла та самая история. Со всеми деталями: туберкулез мужа, желание помочь, тайный заем, излечившийся муж потребовал развод, забрал детей, потом раскаялся...

Жалость к несчастной Лауре, гнев на вопиющую несправедливость продиктовали Ибсену его «Кукольный дом». Потом феминистки, ведомые изначально столь же праведным гневом, сделали Нору своим символом. Потом политические обременения подхватили, унесли «куколку» от живых страданий одной женщины, Лауры, к страданиям миллионов, эксплуатируемых домашним трудом, проституцией. Век поточных технологий отреагировал массово-поточно: вот вам «Кукольный дом-2», заткнитесь и займитесь... делом.

Механистично? Ненатурально? Но жизнь с отцеженными и удаленными страданиями не так же искусственна? В Книге Иова сказано «... но человек рожден на страдание, чтоб как искры устремляться вверх». Правда, в другой книге («Бытие») сказано: «в поте лица своего будешь есть хлеб свой». Но поскольку Бог почти во всех религиях милостив, человек этой механизация, машинерия веками нащупывала границы: как можно смягчить приговор, слегка обойти его, не вызвав новых кар. Но... показавшееся на горизонте полное освобождение от «пота», роботизация, уже пугает: «Куда девать миллиарды тружеников?»

Механизация в интимной сфере стала продолжением той издревле тянущейся игры: обойдем и другое проклятие, насчет неизбежных страданий (страдания любви, «в муках рожать»). Обойдем и... исчезнем?

Завершая, еще раз глянул справку Wikipedia:

«В России пьеса „Кукольный дом“ ставилась: Театр Мейерхольда, в 1923 — Театр МГСПС (ныне Театр имени Моссовета); в 1935 — Ленинградский академический театр драмы им. А. С. Пушкина, режиссер Б. А. Бабочкин».

Долго пытался вообразить «манифест феминизма» в постановке и с участием Бориса Бабочкина — Чапая. Не сумел. Хотя Анка — Нюра была бы прекрасным продолжением политики феминизма — «другими средствами» (пулемет «максим»)... Но вспомнив галерею продолжателей Ибсена, включая саму Елинек, представил версию в духе XXI века, когда андройды достигнут обещанной неотличимости от человека.

Лишенная семьи и детей Нора уходит в публичный дом. Правда, это уже было у Ольсена (пьеса «Куда ушла Нора», см. выше), но дом этот... вы уже догадываетесь: фирмы Dolls Hotel. Крышуют его — дань нашей «чернухе», — соперничая, терминаторы и роботы. Страдающий одиночеством муж Торвальд заходит: «А можно всех посмотреть?», выбирает, и... опять семейная сцена («Правильно я забрал у тебя детей!»). И Нора опять уходит — из «Кукольного дома-2». Куда-нибудь в «Приглашение на казнь» Набокова или к Алисе в Зазеркалье.